

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Похождения Нонки. Часть 4: Сама себе режиссер

— Хочется праздника, куража, феерии, мужиков с большими хуями и ящик текилы, — вещала Нонка подружке Наташке, стряхивая пепел от сигареты в стеклянную пепельницу.

При этом грудь ее ходила ходуном, глаза горели красным пламенем, как у джина с помрачением сознания, а тапок с перьями то ли курицы, то ли индюка нервно покачивался на конце стройной и шелковой от депиляции ножке.

— Посмотри на себя, или на меня. Наше с тобой вечное амплуа престарелых телок. Это карма. Смирись. Пятнадцать лет назад, все было иначе. Вспомни, как я удачно сыграла роль ученого кота в спектакле, в школе, на днюхе Пушкина.

— Да уж, — глаза Натахи заблестели воспоминаниями.

— Один у нас с тобой недостаток. Уж больно красивые.

Нонка встала, и, взяв турку, плеснула в кружку остатки холодного кофе.

— Да и Олежа, царствие ему небесное, окочурился не к месту.

Она на секунду задумалась.

... Вечеринка шла полным ходом. День всех святых не празднуют на Руси с таким размахом. Традиции не те. Но эта сумела бы переубедить любого благочестивого католика.

Олежа был ослепителен в костюме Воланда. От него так и перло небрежной высокомерностью. Взгляд темных очей наполовину скрывал монокль. Он разил подданных напряжением грозного перевала. Если приглядеться, то юмора и задора в нем хватило бы на всю честную компанию, однако сдерживал свои неумные порывы; — был строг, беспринципен и устремлен в будущее.

Говорил тихо, но уверенно. Чувствовалась заглавная буква.

Черный фрак, бело-черные туфли, раритет из ломбарда, или популярное приданое прадедушки, вынутое из анналов семейного склепа, поди, разберись.

Гостей, человек пятнадцать. Только самые близкие и преданные клубу люди.

Нонка была ведьмой. Главная ведьма Вальпургиевой ночи на одноименной горе. Конечно, не образ братьев Гримм, но приблизительное сходство имелось.

Скромное синее платье. На пуговках вверху застегнуто, расклешенное от талии, добавляло кокетства и тянулось по полу, как шлейф королевы. Поверху накрахмаленный серый передник, будто ее только вытащили из избушки, где она не доварила очередное зелье. На голове рыжий парик и соломенная шляпа с вороньими перьями. В руке посох черного дерева, потертый веками и магическими, трудолюбивыми руками главных ведьм.

Платье одето на голое тело; великолепное и холеное.

Гости разодеты в пух и прах: кто Кощей с белой кипой костей, кто в костюме из фильма «Крик», перекошенным, кричащим в припадке ртом, кто просто крик — ик, — ик, кто безликая сестра из «Сайлент хила» со шприцом, наполненным белесой жидкостью, кто с бензопилой, как в «Резне». В общем, компания подобралась колоритная и экспрессивная.

Огромное помещение обдавалось импульсами музыкального стробоскопа. Сцена с зеркальным полом и цветочной аркой из поздних георгин и старушечьих хризантем, вызвала бы зависть у организаторов свадеб, своей пышностью и изобилием оттенков.

Был разгар тусовки. Гости, утомленные яствами, разогретые молодым французским бордо, начали оголяться. Наступил звездный час Нонки, хотя сплошным потоком ярких комет и

несущихся планет был усеян ее путь с тех пор, как она познакомилась с Олежей.

Она выскочила на сцену в образе шельмоватой ведьмы, готовая очиститься ритуалом посвящения Красной луне.

Заиграла музыка. Завораживающий голос Леди Гаги вырывался из колонок, разнося танец ведьм по всему околотку. Собаки перестали чесаться и завyli на луну, кто-то в ночи уронил клатч, и понесся сломя голову по аллее, лисы нассали в норах, а деревья стряхнули с себя последние окочурившиеся листья, медленно вытягивая оголенные ветки навстречу музыке.

Нонка, схватившись за пилон, выдавала кренделя. Длинный подол платья мешал и скользил. Она одним взмахом руки выдрала его, обнажая бритую киску и виляя шикарной задницей. Обхватив ногами пилон, повисла телом вниз, делая руками несуразные движения, как летучая мышь, стараясь зацепиться за остов камня в пещере. Венценосная соломенная шляпа упала, и перья рассыпались веером по сцене. Рыжие волосы парика разметались в агонии, кончики шевелились на зеркальном полу, как змеи у Медузы Горгоны.

Но эта живописная картина только раззадорила электорат. У мужчин привстал, а женщины открыли рот, дожидаясь очереди на «глубокий».

Соскользнув с пилон, взялась руками за шест, повернулась к электорату задом и прогнула спинку, выставляя на обзор толпы все свои дырки. Шикарная упругая задница задрожала, как полковая лошадь в предвкушении боя, выставляя напоказ аккуратный шоколадный глаз. Розовые губки киски, еще не раскрытые, но в предвкушении будущей близости, искрятся радостью и влагой, вибрируя мелкой дрожью и белые ляжки ходят ходуном. Бути-дэнс в действии. Ажиотаж среди мужчин и бурные рукоплескания в адрес бестии.

Завершающим стал ларго шпагат. Казалось, она проваливается в него вечность. Губы киски присосались к зеркальному полу, клитор скукожился от растерянности, а пальчики ног свелись воедино и прогнулись. Волочкова на отдыхе. Селфи. Хештэг. Точка. Бурные аплодисменты.

Именно в этот момент, Олежу хватил удар. Он всплеснул руками и упал на пол, как каменный истукан.

Нонка посмотрела в зал и увидела любовника, которого окружила бурлящая толпа.

«Блять, эта моя пизда такая старая? Губы обвисли что ли, и растеклись как желе? Пора на лабиоластику? Теперь я старая блядь в красном лифчике?» — она посмотрела на отражение губ в зеркале, их вид еще вполне ничего, не вызывал рвотного эффекта.

«Да что такое там?» — она отлипла от пола, и побежала к упавшему Олегу, расталкивая всех на ходу.

Ей что-то говорили, кто-то громко кричал и тыкал кнопки в телефоне, кто-то цеплялся за ее руки.

— Идите нахуй! — вежливо предлагала Нонка, не останавливаясь.

Она упала на колени и начала орать, хватая любовника за лацканы фрака:

— Олежа, Олежа, сука, вставай!!! Это, блять, не смешно.

Скорая приехала быстро, уладили все формальности в течение ночи.

Похороны состоялись через день. Присутствовали все уважаемые люди в городе. Нонка издали наблюдала за церемонией прощания, вытирая платком душившие ее слезы.

Оплакивать любовника уехала во Львов.

Сидя в купе и вибрируя под стук колес, Нонка любовалась поздней осенью; дымом из труб, расплзающимся в прохладе сумерек, желтыми, завернутыми в трубочку снопами, тишине,

склонившей голову на землю. Лишь редкие гудки составов, приветствовавших друг друга, и это чух-чух-чух, нарушали ее.

Все ее мысли были сконцентрированы на ушедшем в мир иной, и что он дал ей в жизни. В свои неполные тридцать она имела несколько бро баров, разбросанных по торговым центрам и салон красоты, счет в Пражском банке и пополняемая платиновая карточка. С полной уверенностью, она могла сказать, что не в деньгах счастье, а в их количестве.

Львов оказался красивым городом, с оригинальными идеями баров, кафе и ресторанов. Нонка окунулась в закарпатскую жизнь с головой. Ей настолько интересен был весь этот абсурд и веселье, что проблемы потухли, сошли на нет, как река Замбези знойным летом.

В ресторане «Кривка», Нонка кричала «Слава Украине! Героям Слава!», выпивая стопарик медовухи.

Брала метр пива и полметра колбасы. Не хочешь орать, садись в карцер. Вкусно, будто она окунулась в мир революции, пулеметов, требника и мотоциклов. Этакая Анка-пулеметчица на выезде в райцентр.

Опробовав в «Керсиновой лампе» десять сортов наливок в пробирках, двинулась в «Мазох» кафе. На входе ее встречал Захер-Мазох в бронзе, грустно смотря в свой фужер. Искал истину в вине и думал о бабах в черном белье.

Нонка взяла суп «Сила молодого бычка» и блюдо «Уздечка Страсти». Залитое во все красное, цвет страсти, кафе радовало глаз официантами и официантками, готовыми всыпать тебе плети по первой просьбе.

Пока Нонка наслаждалась уздечкой и была в огненной страсти от быка, на стул в центре, села молоденькая девушка. Одета была в белую майку алкоголичку и черные джинсы.

Официантка завела ей руки за спину, надела наручники и приступила. Первым пошел лед.

Кубик начал свое движение с шеи. Девушка вся покрылась пупырышками. Как во время прибое море часто ласкает песок, углубляясь все дальше и дальше, так рука официантки продолжила свой бег вниз по телу. Зона декольте, и соски ее напряглись, стали гораздо крупнее, и эта завуалированная видимость под майкой заводила всех окружающих юношей шнурков. Сама же девушка от нахлынувших чувств не могла пошевелиться. Только ресницы дрожали от возбуждения. Официантка пошла дальше, и рука со льдом оказалась за майкой. Несчастливая дергнулась, пытаясь ее сбросить, но крик: — «сидеть ровно», и наручники, остановили ее. Лед и холод продолжили свой путь, оставляя мокрый след и лихорадку возбуждения, которая не смела вылиться в оргазм от окружающей обстановки и стыда.

«Эх, дети, дети... На вас бы Василия Палыча в кожаной маске и с секатором, садовод хренов, посмотрела бы на страх, застывший в зрачках. А это так, бирюльки.»

Поедая девятнадцатый сантиметр колбасы, Нонка задумалась о написании руководства по теме. «БДСМ в условиях хрущовки. Укоры большинства. Зависть меньшинства». Хотя уже одно проживание в хрущобах навевало мысли о БДСМ. Запивая колбасу холодным темным пивом, мысленно погладила себя по животику, откинулась на стул, сказав-«хорошечно!».

В это время нарисовались три фигуры.

— Добрых дней! Не примете ли в соседи усталых и обезвоженных пыльной шоссейной дорогой путников?

Нонка посмотрела на троицу. Девушка и два молодых парня, лет по двадцать пять.

— Присаживайтесь, конечно. Добрый вечер!

Молодые люди сели, начали знакомиться. Брюнет оказался парнем харизматичной блондинки. Звали его Алексей. Блондинку величали Софьей. Рассказывая о городе, кивая на фотоаппарат, она махала руками, как лебедь и серебряные браслеты колокольчиками пели на ее правой руке. Второго парня звали Захар. Короткий ежик русых волос, переходил в шикарную челку, стоявшую частоколом по законам небесной механики от геля. Никакая орбита, дуновение космических бурь, проходящие строем кометы не смогли бы хаотично положить красиво выстроенных рядов. Синие глаза лучились неиссякаемой позитивной энергией, и Нонка, в головокружении, была покорена им. Да и голос. Мягкий, ночной баритон, в споре набирал крещендо и обрушивался со всей мочи на немалое либидо шельмы. Компания оказалась из Санкт-Петербурга. И мысли были у них быстрые, как течение свинцовой Невы. Основной вопрос: — «успеть бы на мосты», был забыт и забит.

Они вспомнили фильм «50 оттенков серого». Высмеяли героя, который в теме ни бум-бум. — Но антураж и комнатка стоили внимания, — высказался Алексей и поднял бокал с пивом. — За встречу в удивительном городе.

Все чокнулись. Так проходил вечер. В дебатах, интеллигентных высказываниях и спорах до пены у рта, веселом хохоте.

— Пойду, приобщусь к теме. Хочу слезы на глазах и горячие удары хлыста.

Захар встал и направился к официанту. Что зашептал ему горячо в ухо. Тот кивнул головой и исчез. Появился он через минуту, неся в руке хлыст. Нонка внимательно наблюдала за парнем, пьяно щурясь и поощрительно улыбаясь.

Захар снял розовую рубашку и бросил ее друзьям. Она со свистом не долетела и упала в проходе. Софья встала и подняла ее. Парень взгромоздился коленками на стул, и его накаченная спина стала предметом зависти у дрыщей пацанов, и обожания у молодых девушек. Он озорно подмигнул Нонке, и стал серьезен, как Соломон на сходке.

Хлыст просвистел и ударил по его гладкой коже, оставляя розовый след. Официант что-то кричал на украинском языке, Захар молчал и криво улыбался, Нонка излучала умиление, зал орал и улюлюкал. Снимали на телефон и выкладывали в инсту.

Порка закончилась. Захар сцепил руки, поднял их вверх и прокричал всему залу:

— Спасибо, Львов за изысканную форму истязания. Цветов не надо.

Они сидели до закрытия кафе. Пьяные и веселые вывалили на улицу. Алексей положил руку на плечи своей Софье, и парочка не спеша отправилась в рассвет. Захар сыпал шутками, расставляя крючки пикапа, и нанизывал на них Нонку. Она была не прочь. Ты молода, желанна, полна сил. Почему бы и нет?

В очередной раз, засмеявшись шутке, была схвачена его белозубым ртом. Поцелуй был долгим, жаждающим секса, конвульсии оргазмов. Его язык блуждал по небу девушки, переплетался с ее остреньким языком. Запах пива, сигарет, ментола и застоявшейся спермы, наполнял воздух.

Он затянул девушку в ближайшую темную подворотню и набросился на нее, истекая желанием. Конвульсии сотрясают Нонкино тело. Она хочет его до дрожи, без сожаления в этом темном переулке, где нет ни света, ни надежды выбраться. Да и не надо.

Он разворачивает ее лицом к шершавой серой стене. Задирает ее плащ и юбку. Белые ляжки пересекают ремни пояса. Шелковая кайма прозрачных черных чулок струится, змеится и обвивает гладь ног. Но в темной комнате все кошки серы. Он стягивает с нее трусики, раздвигает ноги и входит своим толстым хуем в теплую и мокрую щель.

Они на миг замирают. Его член, как голодное животное вгрызается в нежную, податливую плоть. Нонка сильнее прижимается к Захару. Она подмахивает пиздой, ощерившейся розовыми губками. Его движения то быстры и неумолимы, долбя самое дно влагалища, отчего самка течет и замирает в бесконечных оргазмах, то неторопливы, как в замедленной киносъемке, успокаивая страсть и клубящуюся похоть.

— Ах, какая вкусная сука. Ебал бы тебя и ебал, — шепчет он ей, шаря своими огромными руками по телу. Освобождает грудь из лифчика и мнет сиськи, щипает горошины сосков, мыча от удовольствия.

Нонка в блаженстве. Ее тело заполнило желание, она вновь ебется, вновь находит в этом удовольствие и смысл. Этот толстый хуй в ее влажной пизде, какое блаженство и драйв. Она отдается ему беспрекословно.

— Да, еби сучку. О, как я этого хочу. Чувствую его. Долби меня, — задыхаясь от желания бормочет она.

От ее слов, в темной подворотне он кончает. Но, предварительно вынимает из текущей горячей пизды пульсирующий хуй, поворачивает лицом, ставит ее на колени. Засовывает член в рот на всю длину, кончая прямо в глотку тугой струей. Нонка задыхается и пьет белую, вязкую сперму, облизывает язычком головку и выпускает чистый хуй на свободу.

Как нашкодившие коты они покидают подворотню, взявшись за руки и захлебываясь смехом.

... Нонка потрянула головой, прогоняя наваждение.

— Так на чем мы остановились? Ближайший праздник у нас какой?

Нонка открыла ноут, порылась в интернете и нашла:

— Вот, день поцелуев шестого июля. Чем не праздник? Устроим пьянство с алкоголизмом, еблю, в конце концов, праздничную. Лучше не дома. Давай свалим куда, прямо завтра с утра.

— Нонка, что я скажу Гене?

— В жопу твоего Гену. Нет, как муж он может и хороший, но давай уже как-нибудь ебаться. Скажешь, что в командировку.

— Ну, если начальство соизволит подтвердить, — замычала подруга.

— Зайдешь сегодня к Матвеевне, она выпишет командировочные. Направление разврату давать?

— Хватит и командировочных, — заржала Натаха.

— Завтра выезжаем. Электричка рано утром. Заодно и спортом займусь. Так, на связи. Сама все разурлю. Закажу билеты и квартиру.

Нонка вытолкала подругу за дверь, и начала сборы в дорогу.

Утром они встретились на вокзале, взяли по стакану горячего кофе, сели в комфортную электричку и покатали с песнями в Прибалтику.

До заселения в квартиру, находящуюся около вокзала и фактически в центре старого города, оставалось полтора часа. Нонка связалась с хозяйкой по вайберу, написав, что они придут к 12, переоденутся и поедут в wake boarding club.

В клубе кипела жизнь. Дух захватывало от фигур, что исполняли некоторые черти. Все это казалось легким, ажурным и филигранным. Наташка присела на мешок-кресло и раскрыла рот, держа бутылочку пива в одной руке, а во второй телефон, на который она снимала моменты спортивного драйва. — Нонна, это же трэш! Смотри, что вытворяет малой! Госпидя, спасибо, спасибо, что я поехала на праздник!! Нонка, ты молодец! Вот умеют же люди жить!

— она подняла руки с тарой сверху, закатила глаза и прокричала с жаром в небо.

Нонка уже переделалась в гидрокостюм. Он сидел на ней как вторая кожа, подчеркивая прелести фигуры: — тонкую талию, упругую выпуклую задницу, налитые острые груди, длинные ноги с крупноватыми бедрами. Черные, как смоль волосы беспорядочно уложенные, смотрелись как в рекламе «тафт три погоды», правда, ветер их трепал конвульсивно.

Администратор, высокий и крепкий парень, положил ей руку на шею, и, указывая вдаль, что-то напевал красивым акцентом. Наташка сидела на зеленом мешке и любовалась мужчиной. Он ей напоминал какого-то артиста, но вспомнить какого, не могла. Светлые длинные волосы поверху собраны в хвост на затылке, по бокам головы ежик, выстриженный четко по контуру. В правом ухе серьга. Серая футболка, плотно сидящая на мускулистом теле, приоткрывала разноцветные татуировки, идущие вдоль рук. Что на них нарисовано, рассмотреть не представлялось возможным, ибо не сводила глаз с улыбчивого лица, губ и усов, которые неимоверно шли ему, делая образ законченным. Этаким чеширский кот с голубыми глазами в топовом варианте нынешнего века.

— «Вот это мужик. Мне бы такого на часик. Это все равно, что переспать с глянцево́й картинкой из спортивного журнала. Селфи голыми сделать, а потом тайком любоваться. Нет, лучше похвастаться девкам. Пусть сдохнут от зависти, сучки».

Нонка была передана с любовью молодому инструктору, он выдал ей доску с перепонками для ног, и показал, как нужно вести себя на поворотах. Воплощенное внимание.

И вот первый Нонкин заход. Она держит свой трос и ждет подхвата его канатом. Есть, пошла. Девушка оттопыривает задницу, и, вцепившись в трос мертвой хваткой, проезжает по воде на доске метров пять, затем отпускает канат и носом врывается в воду. Картина та еще. Наташка гогочет гусем-лебедем, и комментирует сей момент в видеочате.

Нонка не сдаётся. Ведь она привыкла идти вперед, закусив удила и сжав кулаки. Здесь она сжимает доску и начинает новое покорение водной стихии. К концу часа она объезжает трамплины, держась, как божья коровка за тонкий стебель травы, за трос. Но, проделав путь в двести метров, на повороте падает.

Усталая и довольная она полулежит на мешке и пьет пиво с Натахой.

— Епта, такая быстрая электротяга, что еле темп держала. Тяжело очень нетренированному телу, но все же я вынесла.

— Нонка, ты молодец! Вон, пацан, уже десятый раз падает, проехав три метра. Бедолага, настырный. Да, конечно, здесь четкий контингент. Уходить не хочется, — цокнула языком Наташка.

— Уровень боги, — заржала Нонка, — конечно, красавец этот администратор. Но, работа для мужиков, прежде всего, — печально вымолвила. — Сейчас еще посидим, полюбуемся спортивными телами и красивыми людьми, такси и на квартиру. Марафет и в город, радовать всех собой, — развалилась на мешке и подставила себя солнцу.

Бело-черное короткое платье, открытые плечи, темно-красная помада, четко очеркивающая пухлые губы, высокие тонкие каблуки серебристых босоножек, врезающиеся в булыжник мостовой, ярко красная сумочка, перекинута через плечо, и охалка мужских взглядов полощущих грудь. Чтобы они с ней сделали в своих фантазиях? Засунули бы между ними член? Укусили бы за ярко выраженный сосок? Сжали бы руками и отпустили, смотря, как грудь принимает первоначальную форму? Острые соски на идеально выпуклых горах четвертого маршрута. Нонка на выгуле. Солнцезащитные черные очки скрывают игривый и

ищущий взгляд.

Платье цвета весеннего неба до колен, золотой клатч в руке с желтым маникюром, белые высокие босоножки, перевязанные шикарными нежно-голубыми бантами, шелк белокурых волос на плечах, ярко-розовые губы. Барби приехала к Кену. Где ты, сволочь, выходи из казино и смотри не просри домик. Романтичная Натаха в скромном образе на улицах города. Красавицы нашли ресторан, где подавали мясо. Старый патефон на барной стойке, выцветшие фотографии послевоенных лет со смиренными, усатыми дядьками в капустных рядах, огромное зеркало, увеличивающее пространство, зеленая грифельная доска от пола до потолка, где на трех языках мелом написано меню, лампочки на проводах, беспорядочно подвешенные к потолку, английская речь молодых людей слева, молчание пожилой пары справа, и тихая музыка.

Нонка заказала стейк, Наталья утиную грудку. Красное сухое вино. Девушки начали ждать заказ и разглядывать ресторан и посетителей.

— Англичанам глазки не строй.

Принесли заказ.

— Спасибо.

— Чего это? — удивленно спросила Натаха.

— И сиськами не трясись над посудой, прилипнут к картофельному пюре, — показала Нонка ножом на тарелку с утиной грудкой.

— Не трынди, может я стану графиней, — мечтательно воздела очи к потолку.

— Хуиней. С ними потрахаться, проблем себе на голову поиметь. Мало того, что одобрения королевы ждут два дня, так еще и в канцелярии бумагу визируют. Да с утра овсянка, кофе, лужайка и вековая тишина, и да, газета. Скучно до ломоты в грудях. Чопорные и кислые, как алыча в королевских садах. Да и не факт, что мужик. Может гомосек. Запомни, Натаха, мальчишки в коротеньких шортиках любят мальчиков в коротких шортиках.

— Вот всегда так. Только воспрянешь, распушишь крылья, поднимешься ввысь и тебя хуяксь об асфальт.

— Хорошо, что не хуем по лбу, — засмеялась Нонка, поедая кровавый стейк, — сейчас подкрепимся и в бар Манхэттен пить. Там контингент разный, в основном молодой, со старыми извращенцами мы и дома потрахаемся, а выпить стаканчик молодой крови я не прочь, — и отпила их фужера.

Побродив после ужина по аллеям и променаду старого города, сделав селфи на Соборной площади, двинули в бар.

Бар стоял в переулке. Такой добротный, оригинальный и кровожадный, как охранник на входе.

В баре стояло пару настольных игр. Обои была черными, на которых написано разным шрифтом белого цвета JACK DANIELS. Черная доска, разлинованная мелом на несколько колонок. В первой было пиво за 1.5 евро, вторая 1.9 и так далее. Второй зал, отделенный от первого, барной стойкой, крутился огнями дискотеки. Играла попса начала девяностых. Почему именно эта музыка заводит пьяную молодежь, остается загадкой.

— Мы вовремя, — захлопала в ладоши Нонка, — сейчас возьмем пивас дешевый, а там и народ подтянется.

Зал наполнялся народом по мере надвигающейся ночи. Вампиры слетались и гудели, как трубы металлопрокатного завода. Девушки сидели на высоких барных стульях. Ввалилась

компания парней лет по двадцать семь. С криками, улюлюканьем, громко гомоня. Пьяные и веселые. Еще не голые. Русская речь озарила собой бар.

— Наш контингент, — проорала Нонка подруге на ухо.

Парни сразу заприметили девушек.

— Не составите ли компанию молодым людям? У нас сегодня мальчишник. Наверное, завтра и послезавтра. Или уже послезавтра?

— Не знаю, Серега счет дням ведет, — сказал один, и хлопнул по плечу блондина, — он у нас жених.

Нонка с Натахой пересели к парням и начали знакомиться.

— Я — Андрей, это Серега, у него еще есть мозг и сознание, Валя и Родион.

— Нона.

— Наталья.

— Что девчонкам заказать? — Андрей оказался заводилой и топ менеджером компании.

Высокий, крепкий, длинная русая челка все время падала на гладкий лоб, он отбрасывал ее жестом заправского денди. Черная футболка, заправленная в темно-серые джинсы с черным ремнем MUSTANG, легкие замшевые мокасины, одетые на голые ноги. Жизнерадостный балагур.

— Давайте попробуем, — Нонка взяла меню в кожаном переплете, — «огненное феррари».

Что это? Николас Кейдж, пересевший с мотоцикла на тачку? Хочу феррари.

— Ок. Наташа что будет?

— «Секс на пляже».

— Нам как всегда?

— Да, виски и пиво, — крикнули парни.

Андрей направился к бару делать заказ. Нонка, сквозь ресницы, рассматривала парней.

Серега, скромняга и добряк. Крепкий парень, сбитый, видно, что в качалку ходит.

Каштановые волосы коротко пострижены, сочные губы, которые притягивают женский взгляд. Валя — высокий дрыщ. Но, хороший петух толстым не бывает. Загадочный Родион. Интересный тип. Огонь в глазах. Ироничная улыбка. Да, определенно в сексе старается, чтобы угодить. Хотя, если раскрыть его — пиздец женщине.

Андрей замахал рукой, зовя всех.

— Скорей сюда. Сейчас начнется шоу. SHOW MUST GO ON!

Бармен взял глубокий фужер для мартини. Налил в него самбуки, джина и какой-то хрени из бутылки, Нонка не разглядела название. Положил на середину фужера металлическую пластину и на неё начал ставить фужеры, чередуя верх и низ. На самой высоте маленький стопарик. Налил в него водки, она потекла вниз по стенкам фужеров. Он зажег текущую водку, башня запылала синим и оранжевым цветом, бармен дунул на эту красоту какой-то мелкой стружки, и она начала переливаться. Дойдя до самбуки все вспыхнуло синим пламенем и затихло. Бармен дал трубочку Андрею.

— Ноночка, ваша феррари прибыла.

Нонка выпила больше половины и передала трубку Андрею.

— Ваша очередь, сэр.

Андрей засмеялся и выпил остатки смеси. Русая челка закрыла фужер.

— Это круто!

Через час, масляные взгляды парней, заскользили по телам девушек, кожаным диванам,

полу с разноцветными огнями. Все встали и пошли танцевать. Нонка прижималась попой к Андрею. Он обнимал ее за талию, далее руки заскользили вниз. Внезапно развернул ее к себе лицом, и они посмотрели в глаза друг другу, поняв все. Он схватил ее за руку и потащил в кабинку туалета, на ходу танцуя ламбаду.

Там, закрыв дверь, он накинулся на нее. Они страстно сосались. Верх Нонкиного платья был содран его руками до талии. Он схватил ее спелые груди и зарылся в них головой, вдыхая ее запах. Далее, спустил в нетерпении штаны, опустил крышку унитаза и сел на нее. Его смуглый хуй стоял торчком, на головке выступила прозрачная капля. Руки его дрожали от нетерпения, он шептал:

— Нона, девочка. Повернись попочкой. Какая красота, ебать...

Нонка повернулась к нему роскошной задницей и присела на член. Он с трудом вошел в ее огнедышащую пещеру. Схватил ее за сиськи и вогнал хуй до упора. Нонка начала скакать. Ее вагина квакала словно земная лягушка.

В экстазе он не мог просто держать ее за грудь, ему нужно было мять ее, крутить за соски, плющить и терзать:

— Ах, какая куколка. Какие сиськи, — бормотал он, поверженный ее красотой в туалете. Они забыли закрыть дверь на защелку, и влетел Родион. Друзья заржали, Нонка ни на секунду не отвлеклась от ебли. Наоборот, она сбросила руки Андрея со своих грудей, и, взяв их в свои маленькие руки, нежно сжимала. Кусала и облизывала острым язычком припухлые губки, и полузакрытыми от наслаждения глазами смотрела на вздыбившуюся ширинку Родиона.

— Оближи их, — страстно прошептала она.

Андрей взялся за ягодицы девушки и приподнимал их руками в такт вхождения. Он закрыл глаза и наслаждался тропиками: — соками, струящимися по его стволу, терпкой влагой, повисшей в воздухе и одурманивающей его, горячей девчонкой, скачущей на великолепном оружии.

Родион вынул свой толстый и длинный хуй. Из-под ресниц у Нонки полыхнуло пламя, когда увидела здоровый агрегат. Ни медля ни секунды, она схватила его в рот. Скачущие телодвижения вбили кол Родиона в самую глотку бестии. Она истекала слюной, у нее перехватило дыхание, но она не вынимала здоровый член из теплого ротика.

Родион схватил ее за голову, прижал к лобку и не желал отпускать, пока она не начала биться в агонии. Вот тут его разорвало, он начал кончать. В рот. Толчками. Она отстранилась. На грудь. Много. Нонка начала размазывать сперму:

— О, какая вкусная. Какой у тебя здоровый хуй, — цокнула она язычком.

Андрей принял эти слова буквально и кончил в Нонку.

Нонка поднялась, и, шатаясь, направилась к умывальнику. Два самца тяжело дышали. Не стесняясь их взглядов, подмыла рукой, вытекающую из пизды сперму. Натянула платье на сиськи. Подправила макияж рукой, и, обернувшись к друзьям, молвила:

— Пьяная женщина пизде не хозяйка, — и вышла из уборной.

Наташка же сидела на коленках у Валика, разложив подол своего платья, и неопределенные телодвижения наводили трезвых на мысль, что здесь что-то не чисто. Однако, все были в пьяном угаре, с задрапированными шорами и заняты своими выебистыми телодвижениями.

Так что хуй Валика вошел в шелковую пизду Наташки, и тихо кувыркаясь внутри, обретал радость блаженства. Натаха на пару сантиметров приподнималась вверх, ведя светскую

беседу под громкую музыку с Сергеем, и нагло еблась на глазах у общественности, попивая из толстого стакана виски со льдом. Валик кончил, закрыв глаза и держа кудесницу, сидящую сверху за талию. Ебитесь со вкусом и со знанием дела!

Это был насыщенный день.

Устраивайте себе чаще праздники, дамы и господа, леди и бледи, товарищи и женщины, юноши шнурки и девушки. Ведь мы рождены для удовольствий.